

М. Шагинян

В СТРАНЕ ЧУДЕС

ГОЛОС ПОТРЕБИТЕЛЯ-ПРОФЕССИОНАЛА

Товарищи, для начала определим, кем мы прислаиваем, могли бы быть пожеланиям, как будущим газетным редакторам...

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВО ВСЕСОЮЗНОМ КОМУНИСТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ 22 ИЮНЯ 1935 г.

Далее, в анкетах встречается много интересных жалоб. Можно сказать вкратце: «Вы поместите ли мою заметку о колхозе, но умолчите где он?», «Попишите о какой деревне идет речь?»...

Он пришел с таким же чувством конкретного внимания, любви к месту, где он будет работать, как Г. Гавадрих приехал на свой завод Пермью...

Этот огромный опыт нужно учесть работникам районных газет. Как это конкретно делать на местах? Прежде всего, когда вы туда приезжаете на работу...

ет, что все равно в будущем всю жизнь отдам ее великим идеалам коммунизма и буду бороться за них, как надежд сны рабочего и большевика...

Книга эта имеет еще одно большое достоинство: познавательное значение ее для наших ребят, советских Губертов огромно. Все, что пережила Губерт в детстве — голод, нужда, слухое бронею в князь, опасные и увлекательные выезды полевой работы...

Эта книга может сделаться другом много читателя. Много выдумки и заботы об этом проявила редакция при выпуске ее. Тут есть и географическая карта, прекрасная оформленная, прилагаемая к книге...

Письма родителей к Губерту показывают, что и она не смотрит на него, как на маленького. Отец и мать делаются с ним всеми своими азами, рассказывают ему о всех поворотах тяжелой борьбы рабочих...

И не случайно, что запись Губерта по содержанию, по языку, даже по интонациям резко делается на две части. В первой части, где Губерт вспоминает о своей жизни в саарской деревушке, на самой границе гитлеровской Германии...

Специальный номер «Огонька» Губерт в стране чудес. Мария Остен. Редакция Мих. Колыцова, С. Прокофьевой, Л. Шейниной, Изд. Журтсоюзобъединения.

„Слово о полку Игореве“

Всего несколько месяцев отделяют два издания «Слова о полку Игореве», предпринятые Академией наук. Эти издания вполне оправданы не только различными целями, но и тем, что полнинная рукопись сохранилась в 1818 г. во время знаменитого московского пожара...

Слово о полку Игореве. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1935 г. 120 стр. 1 руб. 50 коп.

тат пещи харальжыномы (стальным), но тоже являлись гладыш, весть душо от тела. Немже кровавыи брени не болотомы бяхуть посеяны, посеяныи костями русскихыи словесы.

Опыт читательского «потребителя» районных газет имеется у меня уже давно, о первых лет революции. Но один случай я особенно резко запомнил.

Дело было в 1926 г., во время наводнения на Волге. Как корреспондент я проходила по всему течению Волги очень медленно, вместе с полем воды. Остановки были продолжительными. Блели мы на наводнении, когда приходилось вставать, сутками стояли у привала, встречались с массой народа, прибывавшего к берегу...

Была как-раз период кампании за режим экономики Лоуэнг «режим экономики» можно превратить в общую фразу, но он может быть выражен и конкретно. Когда вы охотите на продукты, вы в магазине, вы в магазине, вы в магазине...

Новая поэма Бориса Корнилова

Под небом Африки моей Выхажь о сумрачной России. АЛЕКСАНДР ПУШКИН. Гренада, Гренада, Гренада моя! МИХАИЛ СВЕТЛОВ.

Нет места ни печали, ни бесовству, ни горести... Как умер он в бою за сумрачную, за свою Россию, так и умру за Африку мою.

Удивительно, что о ней не сказано еще ни слова. Она напечатана в третьей книге «Нового мира», т. е. достаточно давно для того, чтобы или молчаливо признали ее неудачной или продумать и обсудить ее достоинства.

Поэма не лишена и явных недостатков. Некоторая композиционная слабость, неполнота ее центрального образа, в котором кое-что приходится угадывать самому читателю...

Поэма не лишена и явных недостатков. Некоторая композиционная слабость, неполнота ее центрального образа, в котором кое-что приходится угадывать самому читателю...

«Красноармеец, маленький и юный, веселой рожею румян и бел...»

Замечательное издание «Слова» in folio «Academia» являла образец высокой культуры издательского дела.

ГЕРМАН ХОХЛОВ

Делегаты—о Международном конгрессе защиты культуры

ХУЛИО АЛЬВАРЕС ДЕЛЬ-ВАЙО В МОСКВЕ

Р. Магидов * ДВА КОНГРЕССА

А. КАРАВАЕВА ШКОЛА ХРАБОСТИ

ХУЛИО АЛЬВАРЕС ДЕЛЬ-ВАЙО

Америка, 1935 год. Рузвельт, НРА, растущее число миллионов в безработных, нужда, стачки, демонстрация, борьба. Революционное движение в Соединенных штатах крепнет, развивается, разветвляется, достигая триумфальной победы короткими: конгрессовскими слушаниями, учителями, лекторами, работниками, артистами, художниками Иллейн и культурными труппами рабочих масс поднимается. Культурная работа перестает быть случайной, частичной, превращается в организованную, устремленную, непрерывную цель занятия, лекция, чтецкий, театральные представления, фильмовые постановки, стенных газет. Рабочие университеты, театральные кружки, клубы пролетарской культуры разрастаются по всем штатам Америки, требуют материала: статей, пьес, песен, стихов, художественной прозы, — требуют настойчиво, неотступно, анализируют созданные, слабое отбраковывают, принимают, нужное, адекватное, достигнутое идейной выдержанности и творческой правды и красоты.

Эти условия кипучей культурной деятельности революционных рабочих масс в Америке поставили ребром проблемы творчества в вопросах отношений между революционной страной и ее читателем — вопросы, ответы на которые стало жгучее необходимость. Как же это сделать? Сдел советских писателей дал прекрасный ответ-пример. Был созван конгресс революционных писателей Америки. Со всех концов страны съехались поэты и писатели: Джек Конрой из Алоа, Джим Ватерс из Нью-Мексико, Меридель Ле Сюр из Миннесоты, негритянский поэт Ричард Райт и Стерлинг Броун из Чикаго и Вашингтона и т. д. и т. д. Руководящую роль играли революционные писатели индустриальной восточной части США: Майка Голд, Джон Ховард Льюис, Дэвид Фокс и др. Принимали активное участие в заседаниях конгресса представители революционной еврейской литературы (Мойше Налпр Отанушу, Яков), венгерской литературы (Эмеря Валент) и русской литературы (Р. Магидов) в Америке. Живой интерес высказывало участие делегатов революционных писателей Кубы и Мексики.

На конгрессе присутствовало и немалое количество литераторов, еще не установивших твердо свой путь. Все же они следят за литературой СССР и за ростом революционной литературы Америки с нескрываемым восторгом.

Организаторы конгресса не ошиблись, рассчитывая на заинтересованную аудиторию. Хотя было объявлено, что кроме литераторов никто выступать не будет, четырехчасовая масса рабочих и трудовой интеллигенции битком набрала зал в вечер открытия конгресса. Это не бывало. В конгрессе писателей, еще не установивших своего пути, было много, но это было не столько восторженное участие публики со сцены, отражающее направление всего конгресса: «Будущее американского писателя — в будущем».

Делегат от американского Союза русских революционных рабочих искусства им. Максима Горького на конгрессе революционных писателей Америки и участником парижского Международного конгресса защиты культуры.

АЛАЗАН

ВСТРЕЧИ, БЕСЕДЫ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Я в первый раз был в Европе. Впервые своими глазами увидел капиталистический мир, где нищета, безработица, где безработные «клошары» ночуют около стен Notre-Dame de Paris, под мостами Сены.

В зале Дворца Взаимности мы видели и слышали замечательных писателей Западной Европы и Америки — Андре Жида, Андре Малея, Майку Голд, Германа Агнессе, Эрвина Кинца, Мертин Андальса, Хансе, в устами которых проходила интеллигенция всего мира объявила, что только коммунизм может спасти культуру и открыть новые пути для дальнейшего развития ее.

Меня на сцене приняли очень тепло. В своем выступлении я сказал: «Армянская литература — это литература маленького народа, но больше идей». Эти идеи нашей литературе дала Октябрьская революция. Только благодаря этой революции наша литература, литература маленького народа Советского Союза, получила мировое признание: только благодаря этой революции я писатель залеккой Армении, имел возможность сидеть в Париже рядом с Андреем Жидом, Джо Френком и другими выдающимися писателями современного Запада и совместно с ними обсуждать вопросы мировой культуры.

Бурные аплодисменты вызвало мое заявление о том, что в то время как в Германии разрушен памятник великому поэту Гёте, в Армении мы, армянский народ, ставим ему памятник в своей столице.

Большое впечатление произвела на меня два выступления Андре Жида. Особенно второе, когда он очень сильно и резко выступил против троцкистов, пытавшихся клеветническими речами помешать работе конгресса. Писатель сказал: «Мы — друзья Советского Союза, я никто вам не могу помочь любить его. И здесь я почувствовал, как от большой мастер литературы предан нашему делу, как он любит нашу родину, родную социализма». Интересен был доклад Анри Барбюса «Культура и национализм». С предельной яркостью рисовала писатель картину расцвета национальной культуры в Советском Союзе и противопоставил ее мрачной картине распада этой культуры в капиталистическом мире.

Лицо у Жида словно высечено из камня, и он сам — твердый и крепкий, как скала. От имени всего конгресса он торжественно заявил: «Наше доверие, наша любовь, наша преданность — Советскому Союзу».

«Это доверие, любовь и преданность» не могли не отразиться на отношении конгресса к советской делегации. В большой любви, внимании и чуткости, проявленной к советской делегации, было нечто большее, чем просто уважение к группе больших и заслуженных писателей. Эта группа была той кавальер, в которой участники конгресса видели отражение солнца достигшей страны победившего пролетариата. Советская делегация была крепко спаянным коллективом одаренных, своеобразных, творческих людей. Этого никто не мог не заметить. Все глубоко чувствовали силу аргументальной сентенции коллективной спаянности и индивидуальности. И всем ясно было, что такое сочетание возможно лишь в стране социализма, где творчество и жизнь идут рука об руку. Неудивительно, что конгресс отозвался такими бурными аплодисментами на доклад В. Иванова о положении писателя в СССР и на слова М. Кольцова:

«Советская литература активно и смело вступает и вмешивается в жизнь. Если французские энциклопедисты, отражая изменения в обществе, должны были ждать несколько десятилетий, пока их идеи воплотятся великой революцией, то самой молодой советской писатель может видеть, как его идеи воплощаются в жизнь. Поэтом по славу этой жизни борются, стройки и поэзия были выступления Тихонова:

«Мы не боимся никаких врагов. Пусть в иных странах жгут книги и убивают поэтов. Ничто не остановит волю к борьбе, ничто не разорвет этого крепкого союза между поэзией и жизнью во имя лучшего будущего всего человечества».

Большое мужество, смелость и революция в искусстве».

Ярким противопоставлением любви советской делегации к своему правительству и неразрывной связи с ним, было выступление делегата страны, где «жгут книги и убивают поэтов» — делегата подпольных антифашистских писателей Германии. Он был замечательным. Черные очки скрывали его глаза. Но ничто не могло скрыть жгучую правду и непоколебимую силу его слов.

«Нет той корневой стены, которая могла бы отделить нас от вас и нас от нас. Когда мы всевозможными путями получим газеты парижской группы немецких писателей с вашей статьей, Георгий Манн, когда мы продолжим призывы к немецкому народу, мы узнаем, что Манн написал книгу о Германии, ваши сердца забьются сильнее».

«Возможно ли, что Германия, но нас не могла бы лишиться. Германия была страной мыслителей и поэтов и писателей. Германия завтрашнего дня, Германия свободы уже рождается. Для нас мы пишем, за нас мы боремся!»

Конгресс объявил борьбу не только за свободную Германию. Он объявил борьбу за свободный мир. Он осудил весь капиталистический строй, порождая фашизм, и громоздил перед нами единственное спасение — единственное спасение культуры и достоинства человеческой личности.

П. ПАНЧ

ЧТО ПОЮТ В ПАРИЖЕ

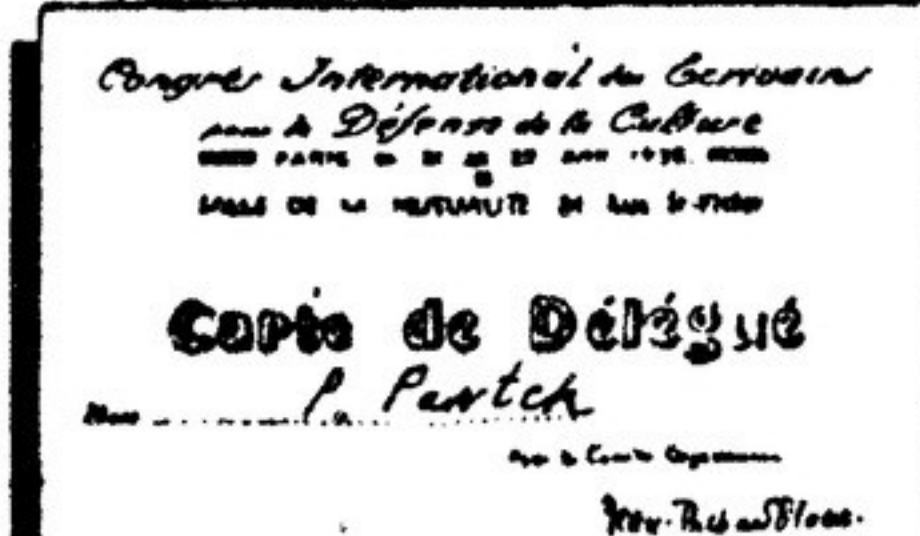
В первый же день нашего пребывания в Париже мы были удивлены таким ардемом: на бульварах сияли чуждые решетки, лавки, лежащие вокруг деревьев. Такое уродование бульваров, как нам объяснили друзья, было вызвано политическими причинами. В феврале на улицах Парижа, как известно, стояли кропотливые барьеры между рабочими и фашистами. Рабочие за неимением другого оружия срывали чуждые плиты, дробили их и обрабатывали в колотное оружие. Париж стал повторением таких столкновений и, не останавливаясь перед нарушением красной линии, предпринимать убиение этого «оружья», оставаясь на месте ажурных плит железные выходы земли.

Потом мы узнали, что буржуазную столицу все теснее и теснее охватывает кольцо красных предместий. Вот в какой обстановке начал свою работу мировой конгресс защиты культуры. Обстановка эта встала перед нами, победитель, еще вчера отделившихся от нас некоторой политической дистанцией, не только принять участие в конгрессе, но и провозгласить за себя трибуны его и той опасности, которую несет за собой фашизм, подымая голову в буржуазных странах.

Ясно, что перед лицом опасности необходимо было искать защиты, искать пути, который вывел бы из создавшегося положения. Поэтому взоры почти всех делегатов, даже далекие от революционных, невольно обратились к Советскому Союзу, потому на конгрессе за редким исключением не было таких выступлений, в которых бы вспоминался бы СССР, вызвавший каждый раз бурю аплодисментов, как немалое количество лавки им. Максима Горького.

Зал встречал режиссером и бурным недовольством всякую попытку со стороны отдельных ораторов кавалет на Советский Союз. Вход во Дворец Взаимности для посторонней публики был платный. Несмотря на высокую цену и невыносимую жару, стоящую в те дни, зал конгресса, вмещающий четыре тысячи человек, почти всегда был переполнен.

Заседания конгресса посвящались французским пролетариатом и трудовой интеллигенцией. Здесь была самая аудитория, которая 30 июля, на вечер памяти Виктора Гюго, была в Париже.

Делегатский билет для входа на Международный конгресс писателей защиты культуры

«И на Тихом океане...» Потом дал купол Троцкого видный знакомый мотив «Гаршьянки». Успех этого вечера показал, что желания и к чему стремился широкий массам Парижа. А если прийти к этому «Интернационалу», которым закончилось митинг в честь открытия в предместьях Вильжювиль-бульвара им. Горького, и «Интернационал», стихливо вырвавшийся из груди присутствовавших на последнем заседании конгресса, тогда настало еще яснее настроение сегодняшнего Парижа. Но не надо забывать, что параллельно с этим нарастающим растет и горячее мобилизует свои силы фашизм.

Пять дней являлся международный конгресс писателей защиты культуры. С первого до последнего момента работы его протекала в атмосфере необычайной дружбы и взаимной солидарности. Было ясно, что союз конгресса не только современен, но и что конгресс состоится потому, что не мог не состояться. Он был отдушиной для сконливавшихся настроений в кругах лучших представителей художественной интеллигенции Запада.

Присутствие на сессии советской делегации сообщило работам конгресса живую конкретность. Строительной, молодой, но мощной социалистической культуры делились с братьями по перу своим первым опытом. Симпатии к Советскому Союзу были одним из лейтмотивов конгресса. Не было почти ни одного выступления, в котором о большой теплотой не упоминалось бы имя замечательной роины, СССР неотступно присутствовал в залах Дворца Взаимности не только как проблема гуманистическая и политическая, но и как проблема творческая. На докладах членов советской делегации наши зарубежные товарищи по перу особенно ярко увидели, что у нас личность и коллектив не противопоставляются, а взаимно дополняют и обогащают друг друга. У нас личность художника окружена питательной средой. Революционным писателям капиталистических стран, находящимся в противоречии с окружающей их действительностью, остается лишь мечтать об этом.

Очень сильное впечатление произвела на меня речь английского писателя Форстера. Он говорил о том, что Англия идет по пути свободы творчества. Закон против людей, побуждающих к восстанию, распространяется в полной мере и на писателя. Отсюда — целый ряд апретных проблем для писателя. «Я не принадлежу ни к какой партии», — заявил с трибуны конгресса Форстер. — «Но если бы я был коммунист, я был бы коммунистом».

Многое из того, что говорилось и обсуждалось на конгрессе, было ново

П. ТЫЧИНА ТОНАЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

То огромное, великое, что пронесло в Париже, нельзя притиснуть в десятке газетных строк; великое — сильное переживания, воссоздания требует, не перекаса, а именно воссоздания. Появятся ли оно в статьях о нем, или же в циклах стихотворений, наперед говорить не стану. Пусть отделиваются дорожные мелодии, осыпается восторженное, и возродится образ, явление еще раз повторится, в книге, на бумаге, явление, несомненно историческое, имя ему — Международный конгресс защиты культуры.

А пока — кратко о политическом значении того, что произошло в результате совместной работы. Конгресс защиты культуры — какое непривычное название. От кого, собственно, нужно защищать? Да от тех, кто себя культурным называет, кто культурными для себя только! От кого нужно охранять? Да от тех, кто себя свободными называет, но свободными с капиталом! Так точно я скажу: свобода в Англии — привилегия тех, кто богат и сытно живет, и вынуждена смеяться во всем зале, и в хорах, где преимущественно сидела молодежь. Так, например, было с социалистами, эти темные деятели прошлого. Так было с троцкистами, которые еще заблаговременно к нападениям на нас мобилизовали.

Конгресс победил, эти нападения мы отражали во-время. И — что интересно — некоторые стрелы, подобно бумерангу, сделав салют-мортиале, возвращались на тех, кто их пустил, и вызвали смех — во всем зале, и в хорах, где преимущественно сидела молодежь. Так, например, было с социалистами, эти темные деятели прошлого. Так было с троцкистами, которые еще заблаговременно к нападениям на нас мобилизовали.

Оценить голову немецкого писателя в двенадцать тысяч франков — это

В пятый раз привозит к нам в СССР испанский писатель и общественный деятель Хулио Альварес дель-Вайо. Впервые он был у нас в 1922 г. на Украине, в дни когда революционная страна только начала оправиваться от тяжелых потрясений и шлопата дыры, напавшие на нее интервентами и гражданскими войной.

Теперь испанский писатель привез в СССР прямо из международного конгресса писателей в защиту культуры. Он — член бюро образованной конгрессом Международной ассоциации писателей.

Это была удивительная демонстрация единства мысли, ставшей на защиту культуры и солидарности во имя лучших сил художественной интеллигенции мира, — расказывает о конгрессе дель-Вайо. — Конгресс прошел с громадным подъемом. С утра до вечера толпы литераторов и близких им по духу людей переполняли просторные залы Дворца Взаимности. Инициаторы и участники конгресса покинули его в последнюю минуту, когда во дворе погасла последняя электрическая лампочка. Мы, сидевшие все время в зале конгресса, не могли в полной мере судить о резонансе, создаваемом им за его стенами. Историческим стал тот факт, что результаты конгресса не только превзошли все ожидания его инициаторов, но и показали врагам его, пытавшимся игнорировать значение. Мне представляется, что можно провести некоторую аналогию между конгрессом и мирной политикой Советского Союза, проводимой т. Сталиным. Мир делится на две части: на страны, которые готовят новую человеческую войну, и на страны, которые стремятся всеми силами сохранить мир на земле. Конгресс также провел резкую черту, разделив его литераторов всего мира на два лагеря — защитников культуры человечества и их врагов. Промежуточное положение их уже не было. Более бесстыдно алчные художники как жалкое бесстыдство «литературные политики», в «чистое искусство ради искусства».

Нам разговор с дель-Вайо переходит на советские темы. Писатель берет со стола небольшую

в зеленую папку с вплетенными в нее листами белой бумаги. Это — дневник дель-Вайо. В нем много записей о первых днях пребывания в СССР. Дель-Вайо привез в этот раз на подарке в Ленинград. В Ленинградском парке культуры и отдыха писатель встретил семилетнюю девочку и спросил у нее: «Ты пионерка?» — «Нет», — с сожалением ответила она, — «еще мала». — «Но ты будешь ею, когда подрастешь?» — «Кем ты хочешь быть?» — «Писателем». — «Не колеблясь отвечай ребенок. Меня поразила, — записано в дневнике дель-Вайо, — категоричность ответа. Уже теперь она четко знает, чего она хочет... Маленькая тема для будущей новеллы писателя.

Несколько страничек дневника посвящено первому советскому карнавалу в Московском парке культуры и отдыха. Дель-Вайо был на карнавале в обществе двух-трех московских писателей. В широком кругу советских писателей он оказался через два дня, будучи вместе с ними в гостях у Ромэн Роллана.

Имя великого французского писателя-гуманиста дель-Вайо прожигает с особой теплотой. — Я счастлив был, — говорит он, — встретить этого замечательного человека, так много сделавшего для испанских писателей. Он всегда свободен и вдохновлен как силой своего революционного протеста, силой своего таланта. Радостно было видеть, как горячо приветствовали своего дорогого гостя советские писатели. Маргерита Шагинян произнесла очень искреннюю и интересную речь. Сельвинский читал стихи, слова которых мне были непонятны, но музыка их произвела на меня громадное впечатление. Мне кажется, что они понаправились Ромэн Роллану, за выражением лица которого я все время следил.

Дель-Вайо 16 июля уезжает на месяц из Москвы в путешествие по СССР. Он посетит Киев, Харьков, Ростов, побывает на Днепровске, затем поедет в Нальчик, Баку, Тифлис, Эривань, Батум.

В результате четырех посещений испанским писателем Советского Союза появились две его книги: «СССР — Новая Россия» и «Россия через двенадцать лет», а также роман «Красный путь» о русской и германской революциях. Нынешний приезд дель-Вайо в Страну Советов также найдет свое отражение в замечательном писателем новой книге, в которой он хочет показать разные страны. Центральное место в этой «сплошьем мире» займет СССР.

Интерес к Советскому Союзу, захватывает свою беседу с нами Хулио Альварес дель-Вайо, — по возможности растет. Путешествуя по Южной Америке, я наблюдал громадный интерес к Стране Советов и в Аргентине и в Бразилии. Это обстоятельство создает во мне уверенность, что контингент моих читателей значительно расширится. Моя новая книга, в которой много страниц будет уделено СССР, найдет своего читателя не только в Испании, но и в Южной Америке.

Е. П.

Хулио Альварес дель-Вайо

ПРОЛЕТАРИАТ — ВЫСШИЙ ВОПЛОТИТЕЛЬ ГУМАНИЗМА

От имени собравшихся здесь испанских писателей я хочу поставить на обсуждение конгресса опыт страны, которая в продолжении восьми месяцев упорно боролась за защиту культуры.

Для нас тема переросла границы литературного вопроса. Мы почувствовали агрессивно всем нашим сознанием, а некоторые из лучших испанцев, как это видно из прекрасной брошюры «Испанские страдания Октября», снабженной предисловием Барбюса, почувствовали это на своей шкуре. Мы найдем в этой брошюре портрет овеического писателя Хулио Буэно — редактора журнала «Вперед», гордо носившего на себе следы пыток, которые он подвергся в последние дни в почетной доске, где фигурирует столько писателей и журналистов, предельных во время репрессий, беднее которых Испания не помнит с 1820 г., вырванных из тонкой силует Луис де-Сирваль, казненного в Астурии офицером казенного легиона, когда он, защищая культуру, выполнял свой благородный долг беспристрастного судьи, всемогущего подлинника участия во всеобщем молчании.

В решительный момент для октябрьские рабочие массы Испании встали в свои руки защиту культуры. Астурия, где борьба приняла характер масштабной второй коммуны, была именно той провинцией Испании, где пролетариат достиг наиболее высокого уровня культуры. Рабочие культурные кружки в Астурии уже в течение нескольких лет являются излюбленной трибуной для кланчиков — даже наименее заинтересованных в политической борьбе и социальной борьбе. Каждый из писателей, выступавших там с докладами даже на чисто интеллигентские темы, как, например, критика партии, являлся необычайным интересом, с которым эта суровая аудитория, состоящая из шахтеров, внимательно следила за наиболее высокими полетами мысли. Их журнал «Вперед», живший исключительно на шертвах рабочих, составлявшие довольно большую часть их ариарства, была подожжена колоннальными войсками. Журнал этот по своему уровню почти резко выделялся среди всей провинциальной прессы.

Огромное усилие, с которым сумел бороться рабочий класс, оборвало наступление фашизма в тот самый момент, когда он начинал своей воле, и если сегодня в Испании не дошли до уродливых форм преследования культуры, в котором в эти последние годы бесчестия скаталась уже часть Европы, то это только благодаря культурным жертвам испанского пролетариата.

Социалистическая и коммунистическая правда, пока еще непримененная. Достойная титана поэта — выражать свои мысли. Там, где постреволюционный недовольство псевдо-рутинера не успевает за намерениями писателя, глубокое предостережение заменяет красный карандаш. В мадридском «Атене» в настоящее время обсуждают возможность помешать присутствию на докладах представителя полиции.

Но, несмотря на это, благодаря октябрьскому движению антикультурная горячка фашизма была сдержана, и лучшие писатели Испании — Валле Инклан, Хуан Рамон Хименес, Азорин — смогли подписать их знаменитый протест в документе о бедоносных условиях, в котором они торжественно и необычайным мужеством на насильных, современных реакции.

Чувствует ли себя писатель защитником за хрупкой баррикадой литературы? Фашизм в своей тенденции отращения культуры — такое же распространенное течение, как и стремление к культуре. Даже там, где лучшие национальные традиции как будто защищают писателей и художников против сокрушительных вихрей, даже этот интимный сад, в котором изранные до сих пор еще могут находить убежище, рискуют, что в один прекрасный день они окажутся растоптанными вандалами — учениками Тестало.

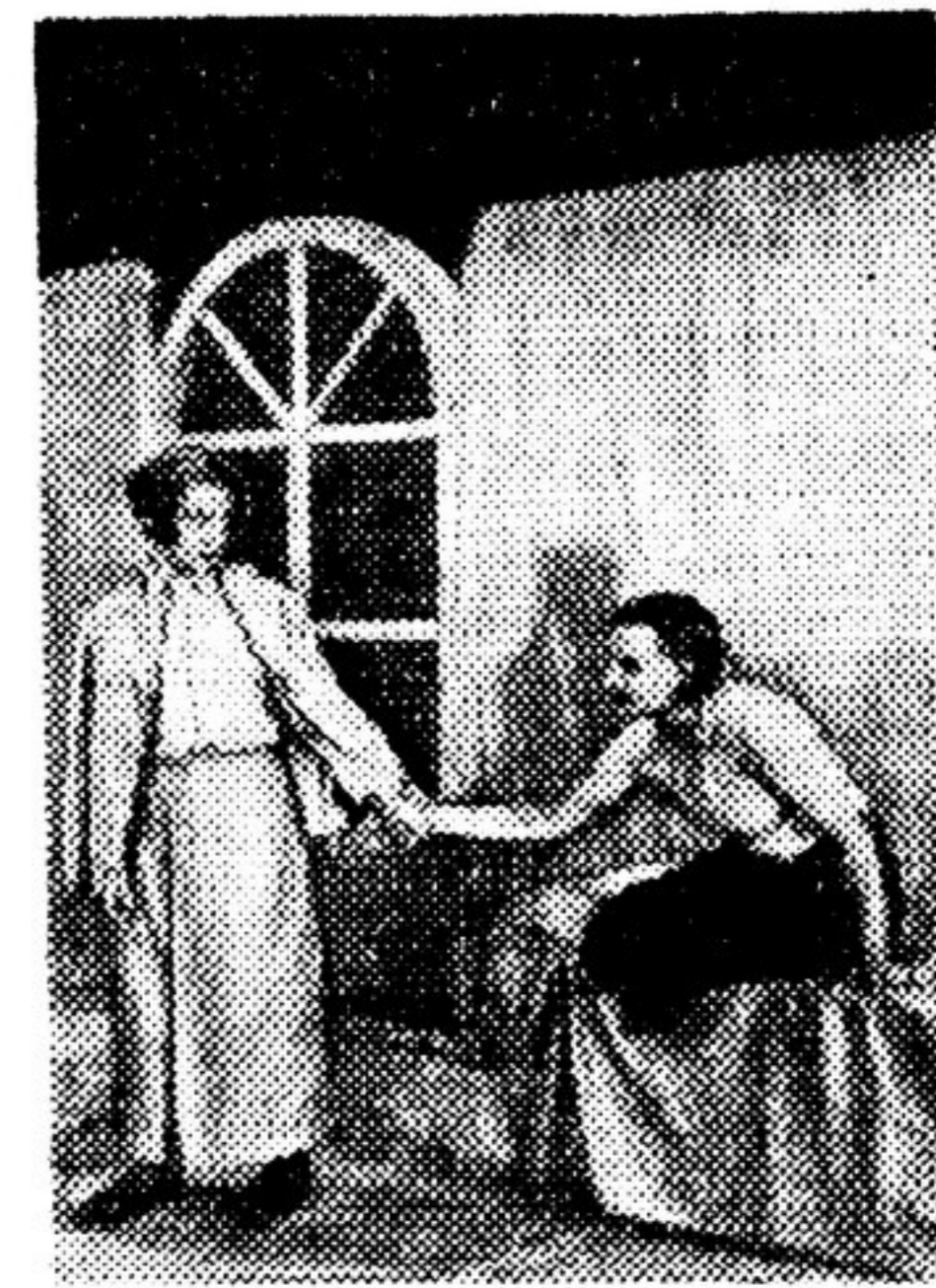
Писатель, хотя бы из одного только чувства эгоизма, должен был бы в интересе самоозащиты соединить свою судьбу с судьбой масс, которая одна только может построить стену, достаточно сильную, чтобы сдерживать натиск реакции. Но нельзя ставить этот вопрос в плане эгоизма. Это — нравственный долг писателя. И писатель, остающийся слепым перед всем тем, что происходит в Германии с Карлом Фол-Оссенбаем — законным кандидатом на нобелевскую премию, перед тем, что произошло с Эрнстом Мизаном, перед ужасной угрозой, высшей для культуры».

* Речь на Международном конгрессе писателей защиты культуры в Париже.

„П Э П О“

РАДОСТНЫМ СПЕКТАКЛЕ

(«Шестеро любимых» в Меерхольдовской школе)

«Шестеро любимых». Бригада гостратального училища им. Вс. Меерхольды: Киселевская (Александра) и Плескова (Лена). Фото Н. Струкова.

Р. РОЛЛАН И МУЗЫКА

Великий писатель, философ, поэт, гуманист Роман Роллан теснейшим образом связан с музыкой. Он говорил о предисловии к последней части «Жана Кристофа»: «Градусный день»: «Музыка, ублажающая мою большую душу, сделавшая ее сильной и спокойной: музыка — любовь моя и счастье».

Интерес к музыке отнюдь не случаен для Романа Роллана, ее живое дыхание проходит почти через все написанное. Анализ музыкальных явлений для Романа Роллана — такая же необходимость, как и литературное творчество. Вот почему в списке его сочинений музыкальные характеристики, музыкально-исследовательские этюды, музыкально-исторические работы большого масштаба играют такую значительную роль.

Роман Роллан принадлежит к числу крупнейших музыковедов Западной Европы. По точности, замечательному овладению обширнейшим исследовательским материалом он один из самых основательных историков музыки. Десятками лет он упорно работает над историческим освещением какой-либо эпохи в истории музыки или ведущего художника.

С этой точки зрения он может поспорить с авторитетнейшими «немыми» учеными. Но глубочайшая прелесть, отделяет его от официально-музыкального учения Европы. Обычно западные ученые интересуются исключительно теми элементами формальной структуры, которые до последнего времени считались единственными признаками, отличающими отдельные эпохи в истории музыки.

Роман Роллан отлично знает, что нельзя рассматривать музыкальный процесс в отрыве от общих устремлений эпохи, нельзя определять источники музыки Гюка, не овладев

философией Руссо и Дидро. Эта живая связь музыки с остальными отраслями культуры — свидетельство большого исторического значения музыкального искусства.

В центре музыковедческой работы Романа Роллана стоит гениальный образ Бетховена. Известны слова Роллана о Бетховене, сказанные им на бетховенском съезде, о том, что Бетховен не научился и как человек и как мыслитель очень многому. В симфониях Бетховена Роман Роллан видит осуществление той героической жизни, которая, по его словам, является высшим счастьем, доступным человеку. Путем тончайшего анализа такого основного для Бетховена произведения, как Третья симфония, он показывает шаг за шагом, как складывается решение подвига у Бетховена и как Бетховен становится благодаря этому проводником новой морали для всего человечества. Работы Романа Роллана о Бетховене — самое сильное и убедительное из того, что написано об этом музыкальном гении. Сейчас Роман Роллан задумал большой труд об одной из последних фортепианных работ Бетховена. Образ этого великого музыканта особенно волновал его при создании «Жана Кристофа», что он недавно еще раз подтвердил в переписке с советским музыкальным работником.

Наряду с Бетховеном Роллан пользуется симпатиями Романа Роллана пользуется и другой великий симфонист XIX столетия Ганс Берлиоз. В одном из своих музыкальных этюдов Роман Роллан показал, каким ужасным нечетом отозвался на творчестве этого мощного и горячего и вместе с тем насков пронаванного противоречием композитора капиталистического мира. Роман Роллан взвешивает и межуаром Берлиоза протрагивая со своей трагичности эпизод о том, как Берлиоз убит себя в своей памяти, истребил без остатка воспоминание об уже почти сложившейся новой симфонии.

Светлый путь Романа Роллана к «Градусному дню» начался с острого сознания несоместности свободной творческой порыва труда с миром капиталистического насилия и эксплуатации. Бетховен, Берлиоз, Гюк, все они учили Романа Роллана тому, что настоящее большое искусство возможно лишь в условиях, которые великий гуманист считал несовместимыми с его временем. Роман Роллан умеет не только восхвалять великих гениев прошлого, но и с огромной силой темперамента ополчаться на всех утилитаров, гонителей всего нового и свежего в музыке, о чем свидетельствуют его статьи в симфониях Мадера, романсов Гуго Вольфа, встреченных в свое время злыми пилением потвореннейшими филаристами.

Советское музыковедение многим обязано Роману Роллану. Благодаря ему мы вплотную подошли к живому облику гигантов музыкального прошлого — Люли, Генделя, Гюка, Бетховена, Берлиоза и другим. Во время своего пребывания в Советском Союзе Роман Роллан уделял много внимания советскому музыкальному творчеству. Этим вниманием заслужено могут гордиться наши молодые творческие музыкальные кадры.

ЕВГЕНИЙ БРАУДО

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

В подземельи Зимнего дворца

Однажды в ночь, когда неместо был историчный вой пугри, Допрашивал здесь декарристов Порфириозный арлекин. Крута усы, как именнини, Он руки жал, в глаза глядел. В зрачках его, пустых и сминх, Виднелся страшный их удел. И с той улыбочкой, с которой Любимый бедра глядел он, На стул указывал он взором, Отвесил Пестеле поклоном. Боязин тайной не рассеял И на палаш глаза сносил,

Следил, как мучится Рылеев, Шутит, любезен и красен. Он вызывал поодинокие, Великогошного играл, Чтобы на смеху однокое Явился Нерчинский централ. И всех, с отеческой печалью, Благоговеньном оделял. Он отсылал тула, где ждали Или Сибирь, или петля.

Павелет с армянского БОРИС БРИК.

На экране кино — старый Тифлис. Навски ушелше прошлое тифлисское междобуржуазной бедноты: воскрешено, воскошено со всеми его красками, гомоном, песнями, радостями и неизбежными на путях прошлого страданиями.

Бен-Назаров и его режиссер Гуляния создали произведение, богатое по воспроизведению того своеобразного мира, каким являлся круг тифлиских кинто и героев периода первоначального капиталистического накопления в Закавказье — армянских купцов-толстослов.

Режиссер выполнил очень сложную задачу — кинофильмования классической комедии Сулдукиана с большим идейным и художественным успехом. Получилось почти новое произведение. Да и трактовка основного сюжета события острее, резче, чем у Сулдукиана, дана под углом нашего сегодняшнего советского зрения.

У Сулдукиана в пьесе наивно верили в совете богача и в «справедливости» бедняк-мещанин Попо, разочарованный и потерявший эту веру, доходит лишь до моральной демонстрации — он не борется, он не разоблачает Зимзимова, не протестует активно и революционно; он идет в тюрьму, чтобы «соразмить» Зимзимова, чтобы устыдить его и ему подобньх.

В кино Попо энергичнее: он делает шаг вперед в протесте против Зимзимова — он клеветит парский строй, дарский суд, охват красососов и грабителей Зимзимова и идет в тюрьму за это.

У Сулдукиана протест Попо звучит лишь одиноким жемолком, ниже не поддержанным. В кино протест Попо — сильный полет, подержанный очень внушительным, ярким хором друзей, манифестирующих около Метехского арма своих солидарность с Попо.

Такт подсказал режиссеру, что не надо идти дальше. Междобуржуазное сознание кино не могло повести их к революционной борьбе. Но эта акцентировка активной массы, само это введение массы очень удачно. Ведь этим подчеркивается те революционные возможности, те силы, которые есть и в междобуржуазной бедноте, на которые могут быть целесообразно приведены в действие позже, лишь под руководством рабочего класса.

Превосходное, а бы сказал — превосходное знание матерьяла, его тонкое понимание позволяли постановщикам фильма не просто показывать, а именно развернуть картины специфического быта кино в их работе (рыбная ловля, торговля, кутеж, свадьбы) и картины куческого быта.

В этом — тоже известное отличие от оригинала. «Попо» для Сулдукиана был шаг вперед в том смысле, что в предшлющих пьесах («Хатабада», «Разрушенная семья») вопросы брака и семьи трактовались в рамках узко-бытового морали, тогда как в «Попо» Сулдукиан выдвинул животрепещущую тему о противоречиях между междобуржуазной беднотой и капиталистами-эксплоататорами.

В фильме видно стремление вскрыть не только это противоречие, спроектировав его глубже, но и летальные вырывать бытовую атмосферу, бытовую среду с ее оригинальными традициями и нравами.

Свадьба, торжествующая о женихом, осмотр невесты в бане, обручение, заключение договора о браке, все это показано громко говорит о бесправном положении девушки, превращенной в «товар», в средстве экономического устройства мелкого буржуа.

Тем рельефнее на этом фоне — бесправие, отсталость, нищета, своеобразный гелонизм кино, их чувство красоты, их здоровое наслаждение жизнью.

Пьеса — примитивная переработка арабской и иранской восточной лирики, пляска, музыка тари, сазандари, дудуки, радость разнообразия, шутка, меткая и острая выдумка, красивая и умная (вспомним массовый взлет голубей и бросаемые вверх шапки в последней сцене) — все это говорит о той бодрости духа, о том оптимизме, которые вырабатываются у людей труда, закаляемых борьбой с лишениями, голодом, издевательствами эксплуататоров.

Большая заслуга режиссера и актеров в том, что они довели до нас, слушателей, и зрителей, эту неунывающую крепость духа, отстой жизненности массы бедняков.

Постановщики фильма заслуживают высокой похвалы. Ну как не похвалить и исполнителей-актеров, и в первую очередь Попо, Асмин (Шушанья), Аветисяна (Зимзимова) и всех других актеров, представивших в фильме великолепно сыгранную ансамбль.

Фильм сделан с большой любовью и вкусом. Но все-таки есть и некоторые возражения. Они касаются трактовки некоторых образов, отдельных деталей постановки.

Зимзимов разоблачается преимущественно в пьесе — его прокурор, его разоблачитель. Это верно, но в пьесе Сулдукиана есть еще важная черта. Зимзимов разоблачает сам свою внутреннюю пустоту, азартность, дряхлость физическую и моральную. В фильме Зимзимов говорит себе: «Ты велик, ты трагичен, ты серьезен, ты капиталист с серьезностью европейского капиталиста. Эти слова, отсутствующие в оригинале, можно было оставить, придав им комический, иронический характер. Этого не получилось, поэтому сцена художественно не оправдала.

Зимзимов — азиатский купчина в этой своей сути не вскрыт. Он не так образован, не так лощен, не так красноречив, как это получилось в фильме.

Другой образ, трактовка которого в оригинале правдивее и интереснее — Какули. Какули у автора пьесы как бы другая сторона Какули.

Попо представляет междобуржуазное трудовое начало в кино. Весь во власти традиционного междобуржуазного мировоззрения Попо, вступающий под удара, неожиданной молнией осветившего противоречие между ним и всей средой Зимзимова, как бы просыпается к простоте в междобуржуазной моральной форме. Какули же отменяет в кино люмпен-пролетарский элемент, который без ущерба для исторической истины нельзя вырывать. В фильме Какули жалется, что ему тяжело, его лицо в ядре сцен как бы туманит рефлексия. В нем нет той импульсивности, азарта, киноской живости, которая подчеркнута Сулдукианом.

В завязку ария введен мальчик, которому «поручено» сценаристом или режиссером передать расписку. Больше ни на что не нужные мальчик этот ослабляет впечатление, создаваемое стариком Гюко.

В пьесе как-раз этот медлительный старик с ослабшей старческой памятью забывает, где спрятались расписку, и случайно ее находит. Так потеря расписки логически внутренне связана с одним из характеров пьесы. В фильме же мальчик — сюжет-приманка.

Как бы ни были серьезны частные недостатки в фильме, он остается одним из самых ярких произведений армянской советской кинематографии, которую можно искренне с «Попо» поздравить.

Г. ТАТУЛОВ

Кадр из фильма «Попо».

Чинков проснулся, первым долгом посмотрел — не увидит ли стружка света, белеющей в щеле прикрывающейся двери. Ничего такого не заметил. Повернулся на другой бок, но опять не хотелось. В памяти, точно сами собой, всплыли слова Рожнова: «Возьму тебя в свои помощники». Это разом подняло настроение. Ноги привычно ощутились с палатки, надували край живого явар. Придерживаясь рукой, легко спрыгнул на пол. Открыл дверь. Тьма, висевшая в каморке, не двигалась с места. Позвал плечами:

— Гм, все еще ночь. Что меня подняло ни свет, ни заря? О его ногу потерлась мурлыкавшая кошка. Артем погладил ее:

— И ты, Марусенька, проснулась. Это мы с тобой. Ну, ладно. Сейчас затопим печь, сварим кашу. Купим полуфунтика говяжьего сала. Так и быть уж, разорвался на восемь копеек.

Он шагнул в кухню. И в ней, как в каморке, было темно, даже там, где находилось окно, не замечалось ни малейшего просвета. Это смутно Чинкова.

— Что за ерунда... Вероятно, я смотрю не в ту сторону. В темноте легко ошибиться. Сейчас мы проверим.

Дотронулся рукой до печки, чтоб проверить направление, открыл несколько осторожных щелей. Встал плечом к стене. Присмотрелся... Но взошедшая перед глазами темносерая масса мешала что-либо разглядеть. Протер глаза: раз, другой, не помогло.

— Что за шут... И тут же смекает — Вероятно, за ночь разгневалась, на небе тучи, потому и в окне непрозрачная муть... Поиду зажу свою котятку. Пока что напущу матери письмо. И тотчас ощутил щекой прикосновение к ней чего-то теплого. Встрепетился: «Что это?» И с трудом переводя дыхание, прошептал в ужасе:

— Солнце... Все в голове загорелось, закружилось... Чинков сделал такое движение всем своим телом, будто намеревался от чего-то освободиться, забормотал вслух с аккордовой нотой опешенности:

— Да, да, солнце. Оно взлетит в окно около десяти утра. Стадо-быть в кухне светло, как днем. Почему же я не вижу?

Попытался пальцами глаза, протер их тыльной стороной ладони. Посмотрел прямо перед собой, вправо, влево, на пол... С каждым поворотом напряженно вытаращенных глаз лицо его меняло свое выражение. Ли-

Всеволод Рязанцев

Крутой поворот

ОТРЫВОК ИЗ НОВОГО РОМАНА

— Артем, куда ты? Что с тобой? Чинков растерянно молчал. Его смутно вспыхивали, звенящими сочувствием голос. Пот выступил на его измученном лице. С трудом вымолвил:

— Я ослеп... Но как он пойдет один? В каморке ни души. Кричи о помощи — никто не услышит. Такого жуткого состояния Артем никогда еще не испытывал... Он хорошо знал, что под ровный, крепкий, и все-таки боялся двинуться с места. Кааалоо, стоит ему шагнуть вперед, — и он кувирком полетит в пропасть... Преодолевая страх, Чинков осторожно двинулся вперед, ошупывая белыми ногами каждый вершок. Широко растопренные руки неуклюже тыкали в воздух. Задел плечом за открытую дверь. Бокон продолжался в каморку, весь сбившись и низко наклонив голову. Отвернулся медленно, неуверенно. То нахлывал слюны не на ту ногу и слова переубеждала, то, когда брал что-нибудь, предварительные размашистые руками по всем направлениям, а то, что нужно было брать, оказывалось рядом. Все предметы, осязаемые Чинковым, казались ему чужими, и лишь с помощью памяти признавал их своими. Отсутствие зрения заматало во всех его движениях... Направляясь через кухню к выходной двери, Чинков ударился коленом об угол скамеечки. И лишь тогда понял, что палкой нужно шарить по всем направлениям, а не держать ее перед собой наметку... Когда забирался по лесенке, вдувшей в крохотные сени, состоял ступеньки. Их было пять. Раньше он ополкался о какой-то предмет и слва удерживал на ногах. Накрест возмущал себя палкой, — пусто, никакой опоры... Не знал, куда идти. Стад припомнить расположение обширного двора и на какой стороне находится те или другие постройки. Но Артем не мог сказать уверенно, куда он стоит лицом. Подумал, прислушался к полной тишине, показавшейся на этот раз жуткой, зашагал наутал. Конеч пальки уткнулся в какой-то мелкий пукер. В то же время позадил него пощупывались торопливные шапки...

— Я не вижу. — Не видишь? Как же это? Ты умал, убойка? У тебя глаза красные. — Да нет! — почти грубо отмахнулся Чинков. — Не упал и не ушибся. Ослеп — и все тут.

Он чувствовал, что разражается, но сдерживался не мог. Недружелюбно спросил: — Кто это? Пауза. И так было тихо, что Артем усомнился в присутствии незнакомого человека. Но сейчас же близ него раздались глубокий валок.

— Совсем, значит, не видишь. Даже меня не узнаешь. Я — Мама, тыкашка. — Мама! — в свою очередь удивился Чинков. — Я сразу тебя не узнал.

Но он и сейчас не мог признать таинку. Лица ее не видел, а голос казался ему совершенно незнакомым, будто слышал его в первый раз. Чоб прервать неприятный для него разговор, коротко объясил: — Я в ботинку.

Девушка затарорилась: — Я пробую. — Утро. Пробую девять, большие стояли каждый у своей кровати. С минуты на минуту ждали прихода врача. Но вот скрипнула в отдаленной коридора половина, другая. Последним знакомым тяжелосенные шаги. Кто-то пошутил: — Эй, глаза — на караул! Молчица идет.

Доктор как всегда, шел вперед, как вон фельдшер. К ним тотчас присоединились обе няни. Одна — с зажженной свечей и глазами медикаментами, другая — с продолговатым полновиском, с белками на нем бинтами и полотенцем через плечо. Остановившись у кровати Зибина, он лежал повернул оцалю, все еще забыванной. Доктор разогнулся, завесил окно тяжелой шторой. Попросил ваню со своей встать к сто-

Воя его ртук, приближая к окну. Тот отдернул руку: — Горячо, огонь! — Правильно. Открой глаза и не пугайся. Отвори! — Доктор снова полнее заважнюю овету к его глазу. — Видишь? Это есть тот самый огонь, который ты только-что ошупывал рукой? Чтобы свет не раздражал большие глаза, повесим на них холщевые занавески. Освоившись — дадим очки.

Ураолов — совсем еще молодой врач. Условно оделаяная им операция возмущала его в глазах больных, вытнула им к нему доверие. Даже обреченные поощряли духом. Все с нетерпением ждали окончания осмотра больных. И как только шаги доктора стихли в отдалении коридора, больные тотчас окружили койку Зибина. Каждому хотелось убедиться вочью в совершившемся чуде. Спринявшись наперобя:

— Ну, Илья, значит, видишь. Ты вроде бы сыновца родился. По палату, вестимо, но того; все ночь, да ночь, и вдруг белая лань, врасплох, зиянит.

Шустрый чернотоловый мальчуган постучал Зибина по локотку: — Дятелька, поминишь, ты запутался в столовой, я долел тебя до койки. Гуляя, я тот самый.

Он вытянулся во весь рост, опустил руки по швам. Почти один и те же вопросы задавались и другими. Зибин отмахивался, наредка, роняя — нет, да. Но в этих относительных ответах слышалась неуверенность...

Когда палата опустела, Зибин позвал Чинкова: — Сядьте на мою кровать. Знаешь, это самое, растолкуй мне. Я вот, скажу, вижу, но все, что вижу, называя тому не знаю. Никакого, значит, понятия, вроде бы начало не вижу... Холка скажем — кружка на столе, али бутербка, вижу, конечно, а едлы не ошупую... не узнаю. Доктор тоже самое: «Огонь, говорит». Вестимо, огонь, коли жарится, но он, окромя огня, какой-то...

— Желто-красный, — подсказал Чинков. Зибин усмежнулся.

— Сидишь на мою кровать. Знаешь, это самое, растолкуй мне. Я вот, скажу, вижу, но все, что вижу, называя тому не знаю. Никакого, значит, понятия, вроде бы начало не вижу... Холка скажем — кружка на столе, али бутербка, вижу, конечно, а едлы не ошупую... не узнаю. Доктор тоже самое: «Огонь, говорит». Вестимо, огонь, коли жарится, но он, окромя огня, какой-то...

— Желто-красный, — подсказал Чинков. Зибин усмежнулся.

— Чудной ты, Артем. Вот также надоев, свиванник. «Гм, говорит. Илья не видишь, а тебе об'ясн. Стены в палатах разноцветные: нижняя часть коричневая, верхняя — темносерая, потолок голубой». Я ем, это самое, с орехом: ну-те, баштош-ка! Никаких цветов не понимаю — ни белых, ни черных. Какой огонь, А он так заскоро: «Напрасно, сынок, орехов. Сделают операцию, — все увидишь, все поймешь».

Зибин опять усмежнулся: — Ну-что ж, теперь я вижу. Доктор открыл мне глаза, а что из того? Не ошупаешь — все равно слепой. И вот что: все же таки я слышу хуже. Зажмурился — голоса в кухне, открыл глаза — они равно бы раздавались во все стороны.

— Это — вот почему: теперь ты не только слышишь, но и видишь. Вниманье, стало-быть, делится надвое: один тянут к себе глаза — к себе. Ну и кажется, что хуже слышишь. Это от непривычки. Дай срок, и все войдет в свою норму. А сейчас потерпи, не утруждай глаза. Они у тебя большие.

По Зибину, увлеченный попойкой зрения, не в силах был бороться в себе чувства любознательности. Он внимательно разглядывал темносерое байковое одеяло, шупал пальцами и снова разглядывал. Нестерпимо хотелось ему недостоупно. Такому тщательному двойному осмотру подвергались все предметы. Случалось и курьезное. Как-то вечером, остановившись у койки спящего старика, Зибин, прищурившись, возвратился на его волосяное лицо. Затем, пригнувшись и заглянув дышане, осторожно прикоснулся пальцем к густым бровям больного. Старик открыл глаза.

— Ты что? Зибин, отдернув руку, смутился:

— Я.. я, это самое, пощупал. Старик недоумевающее посмотрел на сконфуфенного Зибина.

— Разве ты на зрение не разглядешь? — Не знаю, это самое. Глядеть-то я глажу, но...

— А, понимаю! Ты еще не осво-

ился... — Старик уселся на постели. — Ну, ну, действуй своим умальским. Меня зовут Николаем Александровичем, фамилия — Горин. Зибин приснял:

— Значит, можно, это самое. Я жито, Николай Липсанск. Его болезнь, леко, сколько-нибудь пальцы окончили свой специальный осмотр в канье-нибудь две-три секунды. Горин улыбнулся:

— Ну, Зибин, по ошупыванию ты настоящий виртуоз. Видна огромная практика. Только вот что, паренек: ты, конечно, ошупал на моем лице рыбин, шпирной нос, длинную бороду, но все, что ошупал ты пальцами, еще и видел глазами. А видел вот что: борода моя белая, как вот эта подушка. Кожа лица тоже имеет собственный цвет. У меня она бледная, с легким оттенком желтизны, у тебя — розовая, ты молодой.

Во время беседы на койку взошла кошка. В глазах старика блеснула хитрая усмешка. Он встал ее в руки, показал Зибину: — Это что?

Зибин долго разглядывал впервые им виденную зверушку, с устремленными на него желто-зелеными глазами, отрицательно покачал головой: — Не знаю.

— Пощупай — узнаешь. Илья ослепал неопределенное движение руками.

Старик, убоившись, поощрил: — Не бойся, она не кусается... И зашептал между пальцами зверюгн хвост. Раздался музакующий звук...

Зибин даже подпрыгнул на месте: — Кошка! — И протянул руку... — Подожди, паренек. Сначала по пальцам, а глазами ошупаешь. Смотри и запомнишь: это — кошката мордочка с острыми ушами и белым пятном на лбу. Нос у нее розовый, шерсть, как воль борода, черная. Сейчас мы продолжим, то что пальцам недоступно.

Старик Горин посылал кошку в Зибину. Она прыгнула на пол и задрав хвост трубой, стремглав утакала в смежную палату...

Зибин, встрепетанный, замесился, как малый ребенок: — Убегала...

Полобные приключения, неизбежные в таких случаях, происходили только вначале. Затем зрительные пальцы быстро приобретались независимо от осязательности. Чинков в свою очередь успешно переключался с зрительного на осязательное. Эти две противоположности служили им темой витимных бесед.

ПРЕКРАСНЫЙ УМ, ПРЕКРАСНОЕ МУЖЕСТВО

На вечере творчества Р. Роллана в Сокольническом ПККО

Тысячи посетителей — рабочих, студентов, членов заводских литературных кружков — собрались в Сокольническом парке культуры и отдыха...

Замечательной, богатой сложной жизни и творчеством великого гуманиста был посвящен доклад проф. И. Анисимова.

Путь к действительности, путь к народу для него был трудным. В одной из своих вещей он говорит, что «народом во Франции нет».

«После того как я сбросил тяжёлые доспехи Кристофа», как говорит Роллан, он создал своего «Юла Бренюна».

Роллан с огромной силой художника показал нам гниение капиталистической цивилизации, с огромной силой запечатлел свои мечты о том прекрасном завтра, которое в нашей стране становится прекрасным сегодня.

Издадим антологию украинской поэзии

За последнее время ряд советских поэтов, Союза советских писателей и издательства провели большую и очень ценную работу: они познакомили нас с поэзией Грузии и Армении.

Знакомство с богатой и разнообразной поэзией братских республик не только обогащает нас новым знанием, но и способствует росту всей советской поэзии.

Эта работа еще только начала. До сих пор у нас нет полного представления об интереснейшей и обширнейшей поэзии Украины.

Мы предлагаем Союзу советских писателей:

- 1. Прислужить через поэтические секции к организационной и редакционной работе по переводу и опубликованию лучших произведений украинской советской поэзии.

- 2. Издавать Большую антологию украинской поэзии на русском языке, включив в нее лучшие произведения дореволюционной украинской поэзии, украинский фольклор и поэзию советской Украины.

За руководство этой работой мы предлагаем создать редакционную коллегию из московских, ленинградских и украинских советских поэтов.

Н. БРАУН, А. ПРОКОФЬЕВ, В. САЯНОВ, М. КОМИССАРОВА, И. САДОФЬЕВ, Б. ЛИХАРЕВ.

Карнавал в Центральном парке культуры и отдыха. Рисунок худ. Е. Мифасова

Рождение традиции

Едва родившись, с первых дней существования революция искала для выражения своих чувств форм торжественных и монументальных. Ее радость не умещалась в тесные коробки зданий, она выплескивалась на площади, она заливала город.

С течением времени празднества революции, не утратив ни одного из своих качеств, приобрели многие другие. Они не стали менее массовыми, напротив, они получили новую радость, новые краски.

Если так обстоит дело с патетикой, то столь же блестящих форм организации веселья масс мы еще не нашли.

Всего было много и всего нехватало в ту ночь: огня, зрелищ, мест в ресторанах, оркестров, танцевальных площадок, послеполуденных острот.

Замечательно — и это следует отметить, — что костюмов почти не было. Но мало встречалось костюмов изобретательных, остроумных, обилия украшений и богатства. Перед карнавалом, собиравшим нам, работала специальная консульская. Очевидно она работала недостаточно энергично.

Возвращаясь к зрелищам, следует сказать, что они были еще мало разнообразны и не слишком праздничны. Где обаяние выступления поэтот, особенно сатирического жанра? Вот когда в любой точке парка была готова для них идеальная аудитория.

И последнее, карнавал не имел центрального пункта, высшей точки веселья. Возможно, именно она имела в виду, когда шла речь о образовании колонии через Зеленой театр.

Мы остановились преимущественно на недостатках, ибо от них надо предостерегать в будущем. Но недостатки, — это ведь первый карнавал, — были неизбежны в известной мере.

Всего было много и всего нехватало в ту ночь: огня, зрелищ, мест в ресторанах, оркестров, танцевальных площадок, послеполуденных острот.

Замечательно — и это следует отметить, — что костюмов почти не было. Но мало встречалось костюмов изобретательных, остроумных, обилия украшений и богатства.

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ПОЛЕМИКА

Полемика, простит господа, должна быть глуповатой. Так, перефразируя слова Пушкина, скажем в полемику: «Вот товарищи из «Красной новы». Это рассуждение имеет свой резон, особенно веский тогда, когда неприятно соваться в общах и гораздо выгоднее при плохой игре сделать хорошую мину.

В третьей и четвертой книжках «Красной новы» помещен «Литературный дневник», прямое назначение которого — поносить «врагов» этого почтенного журнала.

И еще потому, что «Литературная газета» в своих частных оборотах журнала неоднократно отмечала те или иные ее недостатки.

И тут начинается полемика. Как уже сказано выше, — достаточно простодушная.

Мы не знаем, трудно ли было прижаться полемисту «Красной новы» прижаться простачком или это у него в крови. Но и в том и в другом случае эффект одинаков: благородное негодование, помноженное на курьезную сдвоенность и очевидный истинный и возмездный в квадрат авторитетностью тона (ведь, подмигивает не аноним, а полемизирует редакция нашего старейшего литературного журнала).

Но полемика есть полемика, и во имя ее лавров редакция «Красной новы» продолжает «ее понимать» са-

мых элементарных вещей и истолковывать, как ей заблагорассудится, вполне ясные мысли. Об этом в «Красной нове» говорится в статье «Литературный дневник».

Убедительно? Да, если рассмотреть толстый журнал как бумагающую попытку читателя, в которой на известное количество страниц должны приходить одна или две интересные вещи.

Итак, нет, и мы несколько не сомневаемся, что самой редакцией «Красной новы» ясна необходимость работы над тщательной организацией материала на в рамках одного номера, так и в пределах целого журнального года.

С рассказами в «Красной нове» вообще неблагородно. В свое время в «Литературной газете» (№ 152) была напечатана статья Германа Ходова, которая заявила жуткую и — увы! — неселудую оценку двадцати рассказов, помещенных в восьмидесяти номерах журнала.

В отчете «Литературной газеты» (№ 19 от 5 апреля) о заседании президиума правления ССП, в котором обсуждался доклад «Красной новы», было напечатано следующее:

«Выступавшие в прениях отметили недостаточную самостоятельность отчета т. Ермилова. Журнал — констатирует т. А. Селивановский, А. Кирпичник, И. Беспалов и другие, — в 1934 г. несколько «сказал», покусившись на не свойственную литературе и публицистике лихачество, с каким докладчик вложил в редакцию «Красной новы» вместо того чтобы предельный ей счет оплаты работ, расплачиваясь по нему полемическими фальшивками».

Вот еще один частный пример вольного обращения «Красной новы» со здравым смыслом. «Значительно больше вещей 1934 г., вошедших в фонд советской литературы, прошли мимо «Красной новы» — это сказано не нами, а в прениях по докладу. Но когда в «Литературном дневнике» за этой цифрой следует такая вопиющая глумливая мысль: «Итак произведения, опубликованные в журнале в 1934 г., не вошли в фонд советской литературы», то и мы готовы вступить за честь элементарной логики. Неужели, если сказать, например, что большинство мушкетеров печатается помимо страниц «Красной новы», то этим мы отказываем журналу в праве говорить никогда ни о чем необразованные вещи? Конечно, нет — валите, полемизируйте!

Что же касается нашего отношения к этой, с позволения сказать, полемике, то оно в конце концов, — почти добродетельное. Всегда приятно иметь дело с талантливыми людьми. И когда серьезные и негодные люди из серьезного журнала надевают личины благодушных простачков, то высокий художественный уровень этого перевоплощения искупает в какой-то мере не очень красивый смысл этой игры.

С нетерпением ждем дальнейших номеров.

А. НАМ.

ДРАМАТУРГИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

с Э Пискатором

МОРТ объявил международный конкурс на лучший пьесу.

— Мы преследуем этим конкурсом две задачи: — сказал в беседе с нами руководитель МОРТ, один из крупнейших представителей революционного театрального искусства — Эрвин Пискатор.

Первая задача: расширение фронта революционной драматургии, пополнение его новыми, свежими кадрами и организация своего рода революционного соревнования между революционными драматургами Европы и Америки.

Результатом конкурса должно явиться также укрепление репертуара самостоятельного театра за рубежом. А там не все обстоит благополучно: не везде есть изысканные театры, которые были свойственны первым периодам самостоятельного театрального движения в СССР.

Возвращаясь к зрелищам, следует сказать, что они были еще мало разнообразны и не слишком праздничны. Где обаяние выступления поэтот, особенно сатирического жанра?

И последнее, карнавал не имел центрального пункта, высшей точки веселья. Возможно, именно она имела в виду, когда шла речь о образовании колонии через Зеленой театр.

Мы остановились преимущественно на недостатках, ибо от них надо предостерегать в будущем. Но недостатки, — это ведь первый карнавал, — были неизбежны в известной мере.

Всего было много и всего нехватало в ту ночь: огня, зрелищ, мест в ресторанах, оркестров, танцевальных площадок, послеполуденных острот.

Замечательно — и это следует отметить, — что костюмов почти не было. Но мало встречалось костюмов изобретательных, остроумных, обилия украшений и богатства.

ФИЛЬМ О КИРОВЕ

Над фильмом «Киров в Грузии» работают сейчас кинорежиссер С. Тимошенко и писатель Н. Тихонов. Картина ставится на орлеанской фабрике Ленфильм. Кириова будет играть народный артист республика Бабочкин.

СБОРНИК БИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

Центральное управление по пространственной драматургической продукции «Цедра» выпускает сборник пьес драматурга В. Н. Биль-Белоцерковского.

В книгу входят: «Эхо», «Жизнь воет», «Питом» и «Луна сава». Сборник выходит под редакцией Ф. А. Пельше, с предисловием В. Млечина.

Новые издания Шекспира

Сборник пьес Шекспира («Отелло», «Ромео и Джульетта», «Ричард III» и «Макбет») издает «Цедра». Пьесы выходят в переводе А. Радловой, с предисловием О. С. Литовского, редакцией книги — Ф. А. Пельше.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретения, Последний пер. д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Странной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

КНИГИ

По всем вопросам русск. и иностр. КУПОУАТ Магазины «Советский писатель», ул. Горького, 20 в 12, против Телеграфной: телефоны: 1-96-49 и 73-24.

Государственное издательство «Художественная литература»

ЗАКОНЧЕН ПЕЧАТЬЮ на-днях будет рассылаться подписчикам журнал

ОКТАБРЬ № 7 (июльский)

СОДЕРЖАНИЕ

- Важа Пшавела — Гость и хозяин, повесть. Г. Шолохов-Ситнянский — Суравал гитара, роман. А. Сурков — Песенка, Разрыв-трава, стихи. С. Сергеев-Писенский — Загадка косца, роман (конеп 1-й кн.). С. Кирсанов — 1934, Стих. Л. Фейхтманер — Семь Опенгейм, роман (окончание). Ю. Либелинский — Комиссары (Главы на повести).

Трибуна писателей

- Доклады делегатов СССР, проведенных в Париже на Международном Конгрессе Писателей А. Толстой Н. Тихонов Ф. Гафферов И. Дупляков В. Кирилов

КРИТИКА

- А. Девякин — Мысли об искусстве (окончание). Г. Колосникова — Во власти ольной темы.

Государственное издательство «Художественная литература»

Вышел в печати, на-днях будет рассылаться подписчикам и поступает в продажу № 7 (июль)

ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„ЗНАМЯ“

В номере Ю. АНЮКОВИЧ. — Вадкиня, роман. Перевод с украинского П. Зенковского. ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ. — Хвал-ор, Повесть. — Стихи. В. ШКОЛОВСКИЙ. — Марко Поло, повесть (окончание). ЭДМОНД ГИШЕР. — Гражданин Дорлесер, рассказ. Перевод с французского Ю. Охрименко. С. ИСТИСЛАВСКИЙ. — Соменювы, рассказы. В. АЗАРОВ. — Охотничье озеро. Очерки ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ. — Истоки музыки. Литературный дневник ГЕРМАН ХОДОВ. — Правда о Кириове. А. ЛЯТЧЕВ. — Вепродумная ослеза. И. ЗВЕНТОВ. — Нравосоветельная повесть. Литература и искусство Н. ОВИРИН. — Первый русский роман о Кавказе. БОРИС БЕГАК. — Советская новелла. Условия подписки: на 12 мес. — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р., на 1 мес. — 2 р.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмовоцентах, а также отделениях, уполномоченными, киосками КОГИЗ. Журнал «ЗНАМЯ» включен в редакционный список ПУРРКА.

Р. 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКАДЕМИЯ»

с 1 июля ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на «СБОРНИК СОЧИНЕНИИ МОЛЬБЕРА

в 4-х томах под редакцией А. Смирнова и О. Мозульского.

Большинство сочинений приводятся в новых, тщательно выверенных, переводах. Все произведения сопровождаются вводными статьями и приложениями. Издание иллюстрировано гравюрами французского художника МОРО младшего.

Часть тиража I тома вышла; большая часть выйдет и будет готова к концу текущего года; II том выйдет в 1936 году и III и IV тома — в 1937 году.

УСЛОВИЯ ПОДПИСК: цена каждого тома 12 р. в всего издания 48 р. При заказе вносится вадлок в размере 12 р. и при получении очередного тома уплачивается его стоимость либо почтовыми раскладами; вадлок вносится при получении последнего тома.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в отделениях и магазинах Книготоргового Обединения Государственных Издательств.